

Ж И З Н Ь (СПб.)

1898, т.XXIV, № 35, 20 декабря

С.260.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ

(Письмо из Череповецкого уезда)

/.../ Посмотрим, что читают учителя там, где есть возможность получать книги из библиотеки. В течение 1897 года ими было вытребовано /.../ Русские авторы по числу выдач следуют один за другим в таком порядке:

Соловьев, Вс.	...	40	выдач.
Михайлов	...	27	выдач
Мамин-Сибиряк	...	19	выдач
Лесков		18	выдач
Чехов, Ант.		17	выдач /.../

П.Астафьев.

С.495-496.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Периодические издания

/.../

В "Критических заметках" той же книжки журнала^{х)} мы нашли весьма меткое указание на основной тон последних произведений А.П.Чехова, резко отличающий их от прежних работ этого писателя. Ни один из современных беллетристов, - говорит автор заметки, - не вызывает такого живейшего интереса, как г.Чехов своими последними произведениями. Причину этого критик видит не только в том, что пред нами первоклассный новеллист, не имеющий себе равного, пожалуй, даже и на Западе, где за смертью Гюи де-Мопассана это место осталось вакантным. "Есть что-то в последних произведениях г.Чехова, - продолжает автор, - что углубляет их содержание, придает им какую-то терпкость и остроту, волнует и причиняет острую боль читателям. Читатели, конечно, помнят его Мужиков и Моя Жизнь, из-за которых столько копий ломалось в свое время, что одно уже указывает на их выдающееся общественное значение. Но его последние три рассказа, появившиеся в летних книжках Русской мысли, не менее глубоки, жгучи и значительны". Здесь как и в Мужиках, изображены самые больные места нашей жизни, к которым г.Чехов стал как-то особенно чуток в своих последних работах. По справедливому указанию критика, "замечается и еще одна особенность, совершенно новая для г.Чехова, который отли-

х) Речь идет о "Критических заметках" А.Б. /А.И.Богдановича/ ("Мир Божий". СПб., 1898. № 10. С.1-9)

чался всегда поразительной объективностью в своих произведениях, за что нередко его упрекали в равнодушии и беспринципности. Теперь же г.Чехов не может удержаться, чтобы местами не высказаться, вкладывая в реплики героев задушевные свои мысли и взгляды, как, например, заключение рассказа Человек в футляре, тирада Ивана Ивановича о невозможности жить так дольше или патетическое воззвание к добру в рассказе Крыжовник. Можно сказать, что мрак и отвратительная пошлость изображаемых им картин вырывают из груди художника невольный стон. Он не может оставаться только художником и помимо воли становится моралистом и обличителем. Такая новая черта крайне знаменательна для настроений автора. В нем как бы назревает какой-то перелом, прорывается нечто, сближающее его с другими нашими великими художниками, которые никогда не могли удержаться на чисто-объективном творчестве".

/.../